

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Ш. Шифман

СИРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА
(I—III вв. н. э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(М) 01
Ш 65

Ответственный редактор
А. Г. ЛУНДИН

Работа посвящена социальной структуре и политической организации сирийского общества. По-новому раскрывается существо взаимоотношений между полисом и императорской властью, с новых позиций анализируются положение различных слоев общества и их политическая линия в условиях кризиса Римской империи в III в. н. э.

10603-193
Ш $\frac{013}{013(02)-77}$ 123-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ВВЕДЕНИЕ

После битвы при Акциуме, в последние три десятилетия I в. до н. э., страны Западной Европы и Средиземноморского бассейна, сплоченные римским мечом в единое громадное (и громоздкое) государство, вступили в новый этап своей истории. Ушли в прошлое изнурительные Гражданские войны. Железной рукой подавляя непокорных, римские властители поддерживали желанный для всех мир, насаждали спокойствие и порядок. Правда, уже события 60-х годов I в. н. э. (борьба за власть в Риме после гибели Нерона, восстание Цивилиса, Иудейская война) показали непрочность этого порядка. Тем не менее Римская империя сумела выйти из кризиса окрепшей и усилившейся, прежде всего благодаря расширению социальной базы императорской власти. Если раньше римское правительство рассматривало завоеванные или иным способом покоренные общества и территории только как объект грабежа, только как поле охоты за рабами, то теперь оно стремится привлечь на свою сторону по крайней мере верхушку этих обществ, включить ее в число тех, кто осуществляет реальную власть и пользуется ее плодами, — политика, намечающаяся уже при династии Юлиев — Клавдиев. Существенное значение имел и компромисс, достигнутый между императорами и римской консервативной аристократией. В результате было обеспечено процветание городов, оживление торговли и ремесел, накопление богатства. Тем более странным и неожиданным кажется при таком внешнем блеске и видимом полном благополучии тяжелый, затяжной социально-экономический кризис, из которого Римская империя вышла коренным образом преобразенной.

Определить его характер и причины, выяснить пути перехода от принципата к доминату и внутреннее содержание этого процесса и в конечном итоге закономерности перехода от античного, рабовладельческого общества к средневековому, феодальному можно только на основе изучения социально-экономического развития Римской империи в течение первых трех веков нашей эры. Сказанным определяется и интерес к данной тематике, характерный для современного антиковедения, и ее актуальность. Для марксистской историографии настоятельная необходимость исследовать весь этот сложный комплекс проблем стала особенно очевидной после того, как выявилась научная несостоятельность

известного тезиса о «революции рабов», которая будто бы привела к гибели Римскую империю, а с нею и всю эллинистическо-римскую цивилизацию.

Исследование, предлагаемое вниманию читателя, посвящено социально-экономической истории Сирии I—III вв. Эта страна, расположенная на стыке важнейших торговых и военных путей Ближнего Востока, имела исключительное хозяйственное и военно-политическое значение. Обладание Сирией обеспечивало доступ к торговым путям Месопотамии и в конечном итоге господство не только над Передней Азией, но и на всем Восточном Средиземноморье. Сирийские ремесленники и купцы, ведшие интенсивную посредническую торговлю, внесли огромный вклад в формирование экономического и культурного единства Империи (в тех пределах, в каких оно могло быть достигнуто). Соответственно процессы, имевшие место в Сирии, не могли не сказаться на жизни и развитии всей Империи.

Интересующая нас территория охватывает обширное пространство от юго-восточной оконечности полуострова Малая Азия до верховьев реки Иордан и от северо-восточного побережья Средиземного моря до долины Тигра и Евфрата. Общность исторических судеб позволяет присоединить к этой области и эллинизованное Заиорданье — область Десятиградия с такими крупнейшими греческими городами, как Гераса и Босра, а также Nabateyское царство. Показательно, что античные авторы относили их к сирийскому региону, основываясь, разумеется, на реальном положении вещей. В то же время Палестина, которая прошла во многом своеобразный путь развития, определявшийся не в последнюю очередь тем, что ее общественно-политическая организация восходила к организации Иерусалимской гражданско-храмовой общины, путь, отмеченный необычным для Ближнего Востока обострением классовой и освободительной (против римского господства) борьбы, должна быть выделена как объект самостоятельного исследования.

Географически Сирия естественно делится на три зоны: плодородное финикийское побережье; идущие параллельно берегу горные цепи, начинающиеся от отрогов Тавра и наибольшей высоты достигающие в горах Ливана и Антиливана, главные вершины которых поднимаются более чем на 3 км (между ними расположено плоскогорье Бека^с, откуда берут начало важнейшие реки страны — Оронт и Леонт); равнинная часть — плодородная на севере и постепенно переходящая в пустыню на юге. Это природное районирование нашло свое отражение и в античной историко-географической литературе. Страбон (р. 749) писал, что в состав Сирии входят: Коммагена и Селевкидская область, долинная Сирия (Келесирия) и Финикия. Он же приводит и другое, менее подробное районирование, распространенное в современной ему и более ранней географической литературе: Келесирия (в том числе, видимо, и Селевкидская область) и Финикия. Аппиан (Прооет., 2)

считал возможным, исходя, естественно, из принятых в его время (II в.) географических воззрений, выделить следующие области: приморскую Финикию, долинную Сирию и пески Пальмирены. Как можно видеть, расхождения между Страбоном и Аппианом несущественны; с некоторыми уточнениями это деление в общем соответствует природным условиям Сирии и политической ситуации I—III вв.

Этнический состав населения Сирии в изучаемый период был чрезвычайно неоднороден: финикийцы, жившие вдоль морского побережья; греки — потомки колонистов, создавших здесь ряд крупных городов и селившихся также в древних центрах доэллинистического происхождения; сирийцы-арамейцы — эллинизованные древние (примерно с конца II тысячелетия до н. э.) насельники этой страны; кочевники-арабы, обитавшие в пустынных и некоторых горных районах и постепенно оседавшие в ряде крупных центров страны (Пальмира, Дамаск); римские ветераны и их потомки, жившие в колониях, основанных Августом, — Берите и Геллополе, а также в других сирийских городах и поселениях. Во многих пунктах Сирии имелись общины иудеев. Эта этническая пестрота до известной степени скрадывалась нивелирующим воздействием развившейся в III—I вв. до н. э. эллинистической цивилизации, распространением греческого языка и образованности (под властью Рима, при интенсивной поддержке провинциальной администрации)¹, появлением синкретических культов. Римская колонизация, размещение на территории Сирии императорских войск, деятельность легата Сирии и его чиновников активно способствовали внедрению в делопроизводство и быт определенных кругов населения латинского языка. Однако местные языки, и в особенности арамейский, продолжали существовать как языки литературы и канцелярии, а коренное население сохраняло и свои собственные древнейшие традиции. Все эти обстоятельства не могли не оказывать определенного воздействия на жизнь общества, в целом значительно более сложную, чем это удается проследить по дошедшим до нас источникам.

Хронологически интересующий нас период ограничен I—III вв., иными словами, периодом, когда нашли свое логическое завершение те формы и принципы организации общества, основы которых были заложены еще до установления римского господства, а в некоторых аспектах — даже до походов Александра Македонского, подготавливая тем самым почву для возникновения отношений, характерных для домината. I—III вв. в истории Сирии были не только временем процветания, как его принято характеризовать в исследовательской литературе, но и периодом значитель-

¹ Еще Н. П. Кондаков отмечал активную положительную роль римской администрации в эллинизации Ближнего Востока. См.: Н. П. Кондаков, Археологические путешествия по Сирии и Палестине, СПб., 1904, стр. 36.

ных общественных сдвигов; определить их характер и направление — одна из целей предлагаемой работы.

История римской Сирии в общем слабо освещена в исследовательской литературе². Книга Э. Бушье, специально посвященная изучаемому периоду³, слишком описательна и в общем поверхностна; к тому же она устарела и по объему использованных источников. Подробнейшая (таков, судя по всему, был замысел автора) монография И. Добиаша осталась незавершенной; опубликован только первый том, содержащий детальное изложение политических событий времени образования провинции⁴. Единственное известное нам исследование, специально посвященное экономическому строю римской Сирии, принадлежит перу Ф. Хайхельхайма⁵. С большой тщательностью и на обильном фактическом материале автор изучил проблемы земельных отношений, развития ремесла и торговли. Однако, сосредоточившись на чисто экономических проблемах, Ф. Хайхельхайм оставил в стороне вопросы социальной структуры и политической организации общества. К тому же нарисованная им картина страдает известной статичностью: автор почти не прослеживает взаимосвязи с предыдущим и последующим периодами в истории изучаемой страны. Специальную обзорную статью о римской Сирии написал и М. И. Ростовцев⁶.

Целый ряд работ имеют своей целью описание отдельных городов эллинистической Сирии. Среди них особый интерес вызвали Антиохия⁷, Пальмира⁸, Гераса⁹ и Дура-Европос¹⁰. Эти исследования позволили уточнить целый ряд деталей социально-экономической и политической истории названных центров, а также наметить пути изучения общих проблем истории римской Сирии.

Естественно, что эта страна занимает важное место и в общих работах по истории римской экономики и римских провинций —

² К сожалению, нам оказалась недоступной специальная монография Дж. Харпера (G. A. Harper, *Studies in the History of the Roman Province of Syria*, Princeton, 1915).

³ E. Bouchier, *Syria as a Roman Province*, Oxford, 1916.

⁴ J. Dobias, *Dějiny římské provincie Syrske*, d. I, Praha, 1924.

⁵ F. Heichelheim, *Roman Syria*, — «An Economic Survey of Ancient Rome», vol. IV, Baltimore, 1938.

⁶ M. Rostovtzeff, *La Syrie Romaine*, — «Revue historique», vol. 175, 1935.

⁷ C. O. Müller, *Antiquitates Antiochenae*, Göttingae, 1839; E. S. Bouchier, *A Short History of Antioch*, Oxford, 1921; G. Hadad, *Aspects of Social Life in Antioch of the Hellenistic-Roman Period*, Chicago, 1949; G. Downey, *A History of Antioch in Syria From Seleucus to the Arab Conquest*, Princeton, 1961.

⁸ J.-G. Février, *Essai sur l'histoire politique et économique de Palmyre*, Paris, 1931; J. Starck, *Palmyre*, Paris, 1952. В этой связи следует указать на многочисленные специальные работы А. Сеирига и Д. Шлumberже, а также на монографии К. Михаловского и М. Гавликовского.

⁹ H. Kraeling (ed.), *Gerasa*, New Haven, 1938.

¹⁰ M. Rostovtzeff, *Dura-Europos and Its Art*, Oxford, 1938.

традиция, начатая еще Т. Моммзеном¹¹. Среди книг этого рода наиболее значительным до сих пор остается труд М. И. Ростовцева, посвященный социальной и экономической истории Римской империи¹². Здесь обобщен громадный фактический материал, подведен определенный итог изучению отдельных областей римского мира и заложен фундамент для дальнейшей работы. Картина, нарисованная М. И. Ростовцевым, до сих пор не подвергалась сколько-нибудь существенному пересмотру. Сводится она в основных своих чертах к следующему.

Период римского господства в Сирии был периодом мира, безопасности и процветания. Однако он не был временем радикальных перемен: сирийский Восток продолжал оставаться тем, чем он был прежде. Урбанизация страны не сделала сколько-нибудь существенного прогресса, хотя и возникло несколько полугреческих городов и некоторые группы сельского населения стали жить в городах. Масса народа жила по-старому, поклоняясь своим богам в своих храмах, обрабатывая свои поля и пася свои стада.

Северную Сирию составляли в основном округа Антиохии, Селевкии, Апамеи и Лаодикеи. Здесь происходил процесс постепенной концентрации земельной собственности в руках горожан-землевладельцев, эксплуатировавших, видимо, уже в эллинистический и раннеримский периоды сельское население — мелких арендаторов и батраков, живших в поселениях, подчиненных городу (местных жителей, которые даже и мечтать не могли о том, чтобы стать гражданами). Характеризуя ситуацию, существовавшую повсеместно в Империи, М. И. Ростовцев неоднократно говорит о появлении нового слоя городской «буржуазии» (землевладельцев, торговцев, хозяев ремесленных мастерских), которая вытесняет прежнюю аристократию. Очевидно, он считает что этот процесс имел место и в Сирии. За пределами городской территории существовали полунезависимые храмовые земли. Храмы пользовались иммунитетом, были собственниками земли и собирали доходы, причем *κἀτοχοι* надзирали за храмовой ярмаркой и представляли храм в его контактах с городскими властями. Положение крупных торговых центров, таких, как Дамаск, Эмесса и Пальмира, М. И. Ростовцев считает более близким к положению Боспорского царства, нежели собственно провинциальных городов. Их господствующие слои быстро вошли в состав имперской аристократии и начали принимать активное участие в управлении Империей; в то же время Эмесса, Дамаск, Пальмира и Эдесса были, как и прежде, резиденцией царей-жрецов. В Заиорданье происходила постепенная эллинизация страны; эллинистические города стали центрами развитой торговли и разбогатели; кочевники начали переходить к оседлому образу жизни, а их

¹¹ Т. Моммзен, *История Рима*, т. V, М., 1949.

¹² M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Oxford, 1926.

политическая организация приняла, по крайней мере внешне, греческий облик.

В дальнейшем М. И. Ростовцев обратил особое внимание на посредническую караванную торговлю, которая определяла, по его мнению, экономическую и культурную жизнь Петры, Герасы, Пальмиры, Дура-Европос. Основываясь на своих исследованиях эпиграфического, нарративного и археологического материала, он попытался воссоздать облик так называемого «караванного» города, самым своим возникновением обязанного развитию торговли¹³. Исследование документов из Дура-Европос позволило М. И. Ростовцеву более отчетливо представить себе и земельные отношения, и способы эксплуатации, и административное устройство города.

В характеристике сирийского общества, предложенной М. И. Ростовцевым, нашли свое отражение некоторые важные явления реальной действительности: концентрация земельного фонда, приход в господствующие слои «новых» людей (хотя тезис о появлении новой городской «буржуазии» едва ли можно считать доказанным: речь идет, скорее, об имущественной нестабильности отдельных семей и о том, что новые семьи разбогатели, встав в один ряд с прежними владыками), значительный рост торговли и влияние, которое торговля оказывала на жизнь общества. Тем не менее ряд положений, высказанных М. И. Ростовцевым, не находят подтверждения в источниках (о роли храмов, о царях-жрецах в Дамаске и Пальмире). К тому же остались неясными многие важные вопросы: положение, существовавшее за пределами полисной округи, в частности на императорских землях; соотношение различных форм собственности и владения; правовой статус отдельных групп населения и городов в рамках Империи (правда, по другому поводу он говорит весьма неопределенно об утрате городами-государствами политической свободы и сохранении местного самоуправления и даже о политике Августа, направленной на превращение Империи в сообщество самоуправляющихся городов, однако замечания М. И. Ростовцева слишком общи и не позволяют представить себе реально происходившие в обществе процессы и их социальные предпосылки); семейные отношения. Все же, несмотря на эти пробелы, наблюдения М. И. Ростовцева впервые дали возможность хотя бы в общих чертах, приблизительно представить себе положение, существовавшее в провинции; они дали начало планомерному изучению ее социально-экономической истории.

Другое изображение Сирии мы находим у А. Б. Рановича¹⁴. Он указывает на экономическую разнородность и политическую раздробленность отдельных областей провинции (об этом, впрочем,

¹³ M. R o s t o v t z e f f, *The Caravan Cities*, Oxford, 1932.

¹⁴ А. Б. Ранович, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, М—Л., 1949, стр. 127—165.

говорил и М. И. Ростовцев), что существенно затрудняло ее освоение римскими властями, и включение, отдельных царств, сохранявших формальную самостоятельность (по существу же все цари, тетрархи и т. д. были, по мнению А. Б. Рановича, лишь римскими уполномоченными), в ее состав. Положение «вольных» городов Сирии мало отличалось от статуса городов в других районах Империи, однако их привилегии постепенно сходили на нет, поскольку власти стремились заменить органы самоуправления бюрократическим аппаратом; пышные титулы часто скрывали пустоту. Дольше всех благодаря своей изолированности, торговому значению и близости к Парфии пользовалась самостоятельностью Пальмира. Римляне подавляли демократию, упраздняли народные собрания и поддерживали цензовую аристократию. На чужбине сирийцы создавали землячества (прежде всего культурные) и сохраняли связь со своим родным городом. Обращаясь к экономической жизни страны, А. Б. Ранович констатирует концентрацию земли в руках крупных землевладельцев — императора, членов его семьи, а также частных лиц, и существование арендных отношений. Положение селевкидских *λαοί* едва ли, по его мнению, существенно изменилось в римский период; мелкие владельцы обязаны были платить за свои участки подать верховному собственнику земли. Владельцы «царской земли», не будучи собственниками, могли все же продавать и покупать свои участки. Отмечается значительное развитие ремесла и торговли, в том числе посреднической. Наконец, А. Б. Ранович говорит о римской налоговой и повинностной системе.

Эта характеристика также не может быть признана вполне удовлетворительной, несмотря на то что автор, хотя, как нам кажется, и в искаженной форме, отметил некоторые особенности развития провинции. Когда он говорит, что привилегии городов постепенно сходили на нет и власти стремились заменить органы самоуправления бюрократическим аппаратом, имеется в виду объективный, не зависящий от воли тех или иных политических сил процесс постепенного исчезновения полного и становления абсолютного императорского суверенитета. Однако и А. Б. Ранович не определил особенности правового статуса различных слоев населения провинции и его изменения, поэтому ему не удалось выяснить действительные причины данного процесса, которые он видит лишь в определенном направлении политики, т. е. в конечном итоге в намерениях отдельных лиц и группировок. К тому же А. Б. Ранович, насколько об этом можно судить, преувеличивает интенсивность этого процесса: дошедшие до нас источники показывают, что демократические органы государственной власти существовали и реально функционировали в Сирии еще в III в., а тот или иной титул давал городам ощутимые привилегии. А. Б. Ранович, несомненно, прав, когда он говорит о концентрации земельной собственности. Однако и здесь остается невыясненным правовой статус крупных землевладений на император-

ских и полисных землях; не прослежены также различные типы крупных земельных владений. Существование *λαοί* в римское время не засвидетельствовано. Постулируя (без достаточных, на наш взгляд, оснований) наличие в Сирии римского времени верховной собственности на землю, автор связывает с этим поземельную подать и в то же время считает, что, не будучи собственниками, владельцы могли отчуждать свои земли. Эти положения теоретически несостоятельны.

Все изложенное определяет общее направление и задачи настоящей работы. Как уже было сказано, она посвящена изучению социально-экономической структуры и политической организации Сирии периода римского господства (время принципата). Речь идет об отношениях собственности на орудия и средства производства, имущественной и социальной дифференциации общества, роли торговли и товарного производства (и в связи с этим о месте, которое занимали так называемые «караванные города»), о формах и методах эксплуатации непосредственных производителей, о гражданском статусе населения и соответственно о сирийском городе и его взаимоотношениях с верховными властями. Ее цели заключаются в том, чтобы определить основные тенденции развития сирийского общества в I—III вв. и в результате место, которое «римский эпизод», пользуясь выражением М. И. Ростовцева, занимал в истории этой страны. Политическая история Сирии указанного периода, и в частности история римско-парфянских и римско-сасанидских войн, неоднократно исследовалась в специальной и излагалась в учебной литературе. Мы будем обращаться к ней только в тех случаях, когда окажется возможным на этой основе попытаться охарактеризовать социальные движения в стране.

* * *

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность за ценные советы и указания коллективам Кабинета Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР и кафедры древней Греции и Рима исторического факультета Ленинградского государственного университета. Без их постоянного участия, помощи и поддержки данная работа не могла бы быть написана.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая.</i> Сирия накануне римского завоевания	11
<i>Глава вторая.</i> Организация римской провинции на территории Сирии	44
<i>Глава третья.</i> Экономический строй сирийского общества эпохи принципата	60
<i>Глава четвертая.</i> Социальная структура сирийского общества I—III вв.	117
<i>Глава пятая.</i> Сирийский город: гражданский коллектив и административное устройство	186
<i>Глава шестая.</i> Политический статус сирийских обществ в I—III вв.	228
<i>Глава седьмая.</i> Социальная и политическая борьба в Сирии в период кризиса второй половины II—III вв.	259
Приложения	298
Список сокращений	308

Илья Шолеймович Шифман

**СИРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА
(I—III вв. н. э.)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *В. Н. Кюзадзян*
Младший редактор *И. В. Бушueva*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 4/II-1977 г. Подписано к печати 29/VIII-1977 г. А-02945. Формат 60×90^{1/16}. Бум. № 1 Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21,19. Тираж 2400 экз. Изд. № 3679. Заказ № 1877. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10.